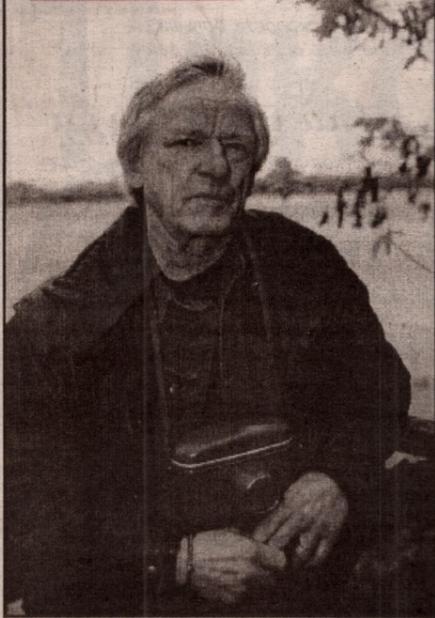

ЗНАКОМСТВО

Внешне суров, глубокие мужественные морщины бороздят лицо, но в глазах столько искреннего любопытства, молодости, мудрости и доброты!

Как оказалось, в Магнитке Владимир Пантелевич не впервые. После МГУ и работы в «Литературной газете» он решил, что пора

КОЛОДЕЗНАЯ проза

По рождению — казак кубанский, по призванию — геолог, моряк и романтик, по божественному промыслу — блестящий публицист, литератор, ученик Константина Паустовского, по назначению — председатель бюро прозы Московской организации Союза писателей России. Все это — Владимир Стеценко.

«пустить в большое плавание», ибо «если человек не потеряет сердце об страну, то писателем он будет книжным». За плечами — рюкзак, в руках — карта редкоземельных элементов. Так, вместе с геологами, он прошел от Оренбурга до Качканара. Путь пролегал и через Магнитку.

И вот через тридцать лет он снова в нашем городе, на Всероссийской конференции «VI Ручьевские чтения».

— Я люблю возвращаться туда, где бывал уже, чтобы пройти знакомыми улочками и тропками...

Таких заветных дорог у Владимира Стеценко тысячи — и не только на Урале, но и в золотосных пустынях Средней Азии, на небесных горах Памиро-Тянь-Шаня и завьюженных просторах Аляски. Но, пожалуй, ничто его так не завораживает, как море. Любовь к морю — родом из детства. В послевоенном сорок седьмом году двенадцатилетний Владимир вместе с другими ребятами на огромном пароходе плыл в Геленджик, в пионерский лагерь. Неожиданно разразился сильный шторм, дети разбежались по каютам, а юный упрямец стоял на палубе, несмотря на то, что шквалистый со-

ветер сносил с ног. Он почувствовал, как чья-то горячая ладонь легла на плечо. Вздрынул, обернулся, увидел красивого, как Артур Грей из «Алых парусов», капитана, который улыбнулся и пожал мальчугану руку: «Смелый ты, знатный моряком будешь!»

После экспедиций с геологами Владимир Стеценко и вправду решил стать моряком дальнего плавания. На судне «Батайск» он бороздил бездонные пучины Ледовитого и Атлантического океанов, встречался с великими яхтсменами и отважными мореплавателями. И читатели популярного журнала «Вокруг света», в котором он тогда работал, узнавали из его очерков о яхтенном капитане дальнего плавания, полячке Терезе Ремишевской и ее земляке, героическом мореплавателе Кшиштове Барановском... А позже из-под его пера вышла пронзительно-доверительная по манере повествования книга «Паруса жадуют ветров». Воины, путешественники, геологи, ученые, поэты, священники — это не полный перечень героев.

Одна из глав книги заканчивается словами митрополита Петра: «Прости нас, Господи, в глупом беспамятстве расплывших и поправших святых наших. И да восстановится связь

времен. И да возродятся храмы. И да возгорится свеча всей русской земли!» Кажется, что молитва эта вылетела и из сердца самого Владимира Стеценко — настолько тревожится писатель, что десятилетиями мы попирали святых своих, что «распалась дней связующая нить», что сегодняшняя молодежь вырастает на псевдокультуре:

— Ядовитая крона насильственно привита к стволу и высасывает из почвы народной жизнедеятельности соки.

Да мало ли еще о чем тревожится его сердце...

В грядущем году должна выйти в свет очередная книга Владимира Стеценко «Духовные сады литературы». В ней, по выражению автора, «будет прослежено рождение ряда «итоговых» произведений конца XX века. Книга основана на магнитофонных записях бесед с Леонидом Леоновым, Василием Беловым, Юрием Казаковым, Виктором Астафьевым. На страницах — представления писателей о творчестве и мастерстве, о том, что не выносилось в книги по личным и цензурным соображениям».

Мне посчастливилось насладиться несколькими главами из «Духовных садов литературы». Это проза колодезная, живительная, напоенная святорусскими родниками, удивительно целомудренная. Звучит она, как непрерывная и пронзительная песнь о русской литературе. Послушайте ее и вы...

Духовные сады литературы

ОТ ВСЕЙ ДУШИ

Родные!

Жаркое лето довелось провести мне на Кубани. Мои земляки — казаки собрали в этом году достойный урожай — 47 центнеров зерна по кругу, приблизившись к достижениям 1990 года, хотя Кубань выдавала тогда на гора до 70 центнеров с гектара. Благодаря бабьке Кондратьенко и его единомышленникам, которые, как наши атаманы, встречали врага, не прячась за могучие плечи народа. Настоящий командир, как Чалаев — впереди, своим примером поднимает оробевшее, обескровленное предательством «пятой колонны» войско.

Николай Воронов не дал мне отсидеться в Москве, чтобы написать о моих земляках. Позвал на юбилей Магнитки, на Ручьевские чтения. Тридцать лет назад я прошел от Оренбурга до Качканара, сверяя карты, ряд редкоземельных элементов. Был на Магнитке, всегда помню море огня и людей огня, металлургов — соль рабочего класса.

То, что я увидел сегодня, обрадовало и поразило меня. Как родная Кубань, родная Магнитка живет — не выживает. Герои Магнитки, люди, приехавшие полвека назад, пришли на встречу с учителями, учеными МАТУ, с нами — московскими литераторами — Н.П. Вороновым, В.В. Сорокиным, которые родились в ваших краях, во время войны и после варили чурчун и сталь. Они написали о своих огненных земляках прекрасные книги, воспевающие широкий и вдохновенный труд русских, украинцев, татар, башкир и немцев, для которых Древний Урал стал второй Большой Родиной.

Смертное время, предательство верхов не смущили седых героев. Они и сегодня держат Магнитку на уровне своих идеалов справедливости. Они не ворчат, не жалуются — были времена тяжелее. Выдюжили, переборем подлоцов. Тяжелые последние времена, беды сплотили металлурга, учителя, певца. Поэталу возник Храм Христов, который стал уже рядом с дымами Магнитки символом несокрушимого духовного противостояния злу. С Богом — к Богу.

В.С.С.

член Союза писателей России.

С Константином Паустовским.

Русскую литературу я бы уподобил цветущим садам, взлелеянным сотнями сменяющихся поколений. Впереди, в начале нашей эры, нам открывается зеленогневная днепровская круча, с которой апостол Андрей Первозванный привел златоглавый Киев с пещерными монастырями над дивной славянской рекой. Там, при свете лучины, склоняясь над свитками пергамента, примерами из отечественной истории поучали воинственных русских князей первые наши святые летописцы. Несторы, кормившиеся с огородов и садов, возделанных отшельниками. А за рекой, мало изменившейся за тысячелетие, виднеется в степном мареве малороссийский садок вишневый возле белой хаты, воспетый Тарасом Шевченко. Ближе к нам затерялись среди чуди и мери у излучин полноводной Оки есенинские, рязанские палисады у деревенских изб под сенью берез и полыхающих зимой огнем неугасимых рябин; луговое среднерусское разнотравье; фиолетовые грядки картофеля с ванильными кудрями и подсолнухами в междурядье, ландыши и фиалки в фруктовом саду южан, чопорные, выложенные раскрашенным кирпичом клумбы поволжских немцев под серебристыми елями у каменного дома, соседствующие с кацалским срубом и казахской юртой с выщипанной польноью посреди неоглядной степи... За Бежиным лугом — вековая тургеневская усадьба с липовыми и дубовыми аллеями, разбегающимися от барского особняка на холме к привольной пойме сонной реки. Цветозарные парки Павловска и Царского села, затмившие непричесанной красотой своей великолепие опереточного Версаля, увлажненные каскадами сказочных прудов и фонтанов...

Если жизнь народа уподобить тысячелетнему дубу на солнечной полянке, то краткая жизнь поколения подобна звонкокипящей листе на его могучей раскидистой кроне, новым побегом и желудям, рождающим малые племена дубрав. Современное человечество в этом ряду уместно сравнить с неповторимым Уссурийским краем, где тайга сошлась с субтропиком, где тигр терзает северного оленя. А национальные литературы и искусства подобны рукотворным цветникам и садам, под пылким солнцем и под звездным небом пышно одаряющим нас тонкими и томными грезами, пьянящими соками, приятными и дразнящими ароматами созреваания и любви, радугой красок, деликатными и ядовитыми плодами лоз и ветвей своих. Каждый национальный сад несет отпечаток эпохи своей закладки, местных природ-

ных условий, личности хозяина-Народа и его садовника-Поэта. В садах отражается образ быстротекущего времени. Так и культуры разных народов запечатлевают познаваемый и меняющийся окружающий самоценный мир параллельных цивилизаций. То взаимодействующих, то уничтожающих друг друга, как европейцы древнейшую цивилизацию индейцев. С их менталь-

ностью и религиозными предпочтениями... Глазами художника. В доступном его душе диапазоне, в спектре его глаз, ума, мастерства и вкуса. Так создаются поэмы, романы, фольклор и эпос. Стихийно, спонтанно, как песнь соловья и Гомера. Наивно. Как вера в Золотой век прачеловечества, когда не было болезней и войн. Как золотой сон о райской жизни с Богом

в ладу. Из этих отражений, колеблемых зеркалами океанов, надмирного эфира, непостижимой души человеческой, складывается веками, над схваткой народов, литературный процесс. И раз в какие-то этапные годы на этой обогащенной культурной почве рождается гений — Данте, Шекспир, Ломоносов, Пушкин, Толстой, Достоевский, Шолохов. Чтобы после лихолетий смуты, немощных ядовитых мутаций модернизма, паразитирующего на развалинах былого, соединить многочисленные ручейки и реки вдохновения и вновь воссоздать дендрарии, садовые сады и парки национальных культур в могучую эпопею, завершая целую эпоху страданий и созидания своего народа. Уходят с мировой арены народы и цивилизации. Но и после новых блужданий народов, ведомых к пропасти лукавыми слепцами, нетленное Слово в лоне своем сохраняет — как гены через мироздания — духовные сады. Опыт человечества, упорно карабкающегося к Небу по скалам. Сквозь тернии к звездам!

Весеннее щебетание птиц, голоса играющих на лужайке детей, песни томлящихся девушек наполняют наши сады музыкой неги и любви. Вой голодного волка, воющего на ледяную луну под стогами продрогшего сена, пророчит о нашей неизбежной первобытности. О войне всех против всех. Грядущее пламя теперь уже ядерной войны готовится слезать и нас, и наши сады подчистить в одночасье. Чтобы уже хвостатые существа, мутанты о двух головах, снова попытались подняться с четверенек и возделывать в подземеелье хотя бы карликовый сад, сатанинскую пародию на японскую икебану. От Бога цивилизованные народы отошли и вляпались в чертовщину, как барышня в коровью лепешку. Но колы все разнообразие жизни подвластно Слову, из него вышло и вместились в Нем, остается смиренно надеяться, что духовный сад, взлелеянный человечеством, пребудет нетленным в Царстве Божием на Небесах. Как желудь; словесный сад попытается прорасти для новой жизни на земле после ядерной зимы, оледенения и нового всемирного потопы. И народятся новые садовники, и возделают новые сады по образу и подобию Эдема. Где Адам был с Богом. И Бог доверил ему свой сад и зверей своих. Чтобы человек всем тварям дал имена, то есть познал мироздание и был заботливым отцом всему живому.